

■

**«Анонимное»
стихотворение Михаила
Ерёмина:¹ обэриутская
многомерность, или
кентаврический парадокс**
The “Anonymous” poem
by Mikhail Eremin:
the Oberiu Multidimensionality
or the Centauric Paradox

✉ **ЮЛИЯ ВАЛИЕВА** ▶ jouliali@gmail.com

Статья посвящена историко-культурным аспектам изучения поэзии русского андеграунда. Предметом рассмотрения является анонимная публикация стихотворения М. Ерёмина в «тамиздате». Производится текстологический и сопоставительный анализ разных списков этого произведения, в том числе, по архивным источникам. Отмечается обэриутский контекст публикаций М. Ерёмина в самиздате 1960-х-1970-х гг. Выявляются приемы создания многомерности текста и кентаврического парадокса, восходящие к поэтике обэриутов.

МИХАИЛ ЕРЁМИН, ДАНИИЛ ХАРМС,
ОБЭРИУ, ПОЭЗИЯ АНДЕГРАУНДА

The article focuses on cultural aspects of the Russian underground poetry. The subject of the research is the anonymous publication of Mikhail Eremin's poem in *tamizdat*. The author carries out textual and comparative analysis of the various copies of this work, including archival sources. The research shows that the context of M. Eremin's publications in *samizdat* in the 1960s and 1970s was in relation to the OBERIU studies. The techniques of creating the multidimensional nature of the text and the centauric paradox, dating back to the poetics of the OBERIU, are revealed.

MIKHAIL EREMIN, DANIIL KHARMS,
THE OBERIU, UNDERGROUND POETRY

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01177, <https://rscf.ru/project/24-28-01177/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

2 М. Ерёмкин утверждал, что первоначальный вариант этого стихотворения был написан им, и на этом основании считал, что в Антологии *Modern Russian Poetry* анонимно опубликованы 2 его стихотворения. В переписке В. Ф. Маркова и Г. П. Струве при обсуждении анонимности публикации И. Бродского (Устинов 2021) возможное авторство Ерёмкина не упоминается.

3 В предисловии «On *Modern Russian Poetry*» В. Маркова говорится: «The last splash of futurism was the Dada-like group of 'obereuty' led by Daniel Kharms» (lxx).

4 В Примечаниях (Notes) указывается: «The names of the three poets who wrote these poems are known to us, but, for various reasons, we do not choose to divulge them. Some of these poets are well known, some completely →

В 1966 г. в двуязычной антологии В.Ф. Маркова и М. Спаркса *Modern Russian Poetry* (далее — MRP) было впервые републиковано стихотворение Д. Хармса «случай на железной дороге», которым он дебютировал в сборнике Ленинградского Союза поэтов в 1926 г. В этой же антологии в разделе «Анонимное» новую русскую поэзию представляло, наряду с «Пьесой с двумя паузами для сакс-баритона» И. Бродского² и тремя стихотворениями Б. Слуцкого, стихотворение «Крематорий» (1958) М. Ерёмкина.

*Там, кумачом завесив небо комнат
Перистый вепрь выпрыгивает в дым;
Нагие ноги ноют в катакомбах,
Перебираемые как лады;
Там загнивающие укрепления
В коренья превращаются в печи;
Там те, кто убоявшись погребенья,
Багряный погреб предпочли. (MRP: 820)*

Составители антологии видели в обэриутах группу Дада-истской направленности, выражающую последний всплеск футуризма³. В произведениях современных авторов, чьи имена не были раскрыты, — поэзию андеграунда⁴.

Тот факт, что тридцатилетний поэт ленинградской «Филологической школы» Михаил Ерёмкин (1937—2022)⁵ удостоился, хотя и анонимно, войти в антологию современной русской поэзии, не имея до этого ни одной изданной книги, явилось само по себе событием знаменательным. Комментируя свое отношение к непечатности, Ерёмкин приводил в пример обэриутов:

*Я до сих пор не могу понять, как получалось,
что мы все каким-то образом знали о тех новых строчках, которые написал кто-то из нас.
Может быть, читали на ходу или давали читать друг другу. Куски, цитаты, свои, чужие — мы в этом жили. Именно поэтому, может быть, ни у кого из нас не было установки на публикацию — как скажем, у «горняков». Спокойное отношение к публикации, а то и сознательно нежелание. С одной стороны, это было отторжение от тех публикаций, которые существовали в ту пору, от всего печатного слова. С другой стороны, тогда не печатались обэриуты... [...] И, возможно, было какое-то внутреннее ощущение, что, может быть, так и надо. (Ерёмкин 2011: 76).*

Действительно, ко времени выхода Антологии, из обэриутских текстов Хармса, как известно, были напечатаны только четыре стихотворения: 2 — прижизненно, в сборниках Ленинградского Союза поэтов 1926 и 1927 гг., и 2 — в альманахе *День поэзия 1965* Анатолием Александровым⁶. Публикации Ерёмкина ограничивались двумя стихотворениями в советской прессе 1958 г. (их текст был приведен в газетном фельетоне) и пятью стихотворениями из самиздатского альманаха А. Гинзбурга *Синтаксис*⁷, перепечатанного в 1965 г. посевожским журналом *Грани*.

→ unknown; some young, some not so young. Also for various reasons, all these poems belong to underground poetry» (842). Чем был обусловлен выбор именно этого произведения М. Ерёмкина и его трактовка составителями, не сообщается.

5 Михаил Федорович Ерёмкин родился 3 мая 1937 г., однако в писательских автобиографиях указывал 1936 г., 1 мая, и отмечал свой день рождения по этой дате. Согласно фамильной истории, мать поэта в годы II Мировой войны, узнав, что муж ушел в другую семью, в сердцах уничтожила документы о рождении и выправила новые.

6 Подробнее о републикации Д. Хармса в 1960-е гг. см.: Валиева: 2024б.

7 В подборку вошли миниатюры «Так горсть земли искали иудеи...», «Боковитые зерна премудрости...», «Сохатый крест рогов, как идола...», «Полночно светление бухты Баракты», «Мальчиком запленных дел времен французской революции...». В этом номере *Синтаксиса*, представлявшем 10 ленинградских авторов, помимо →

→ Ерёмкина, были опубликованы: Д. Бобышев, И. Бродский, Г. Горбовский, В. Голявкин, С. Кулле, А. Кушнер, Е. Рейн, Н. Слепакова, В. Уфлянд.

Подобно тому, как источниками сведений о репертуаре и деталях выступлений обэриутов для исследователей 1960-х гг. служили газетные и журнальные рецензии (большой частью ругательные) 1920-х гг., единственной для отечественного читателя возможностью ознакомления с поэзией М. Ерёмкина, вплоть до 1991 г., когда был отпечатан его первый на родине сборник, оставались процитированные фельетонистом в газете Смена стихотворения «Роскошно скошен луг...» и «Боковитые зерна премудрости...», представленные Ерёмкиным на VI-й областной конференции молодых авторов, проходившей с 13 по 16 мая 1958 г. в ленинградском Доме писателя им. Маяковского. Поэтика этих миниатюр, в которых критик увидел «пародию на заумь», стала поводом для обвинений идеологического характера:

Большинство товарищей, очень правильно отметил одаренность автора, с настоящей болью, с тревогой за судьбу М. Еремкина говорили о его заблуждениях, о поэтическом шукачестве, о никому не нужном оригинальничанье. [...] Их немного, этих «неопозтов». [...] В их биографии не было настоящих трудностей, которые, всколыхнув всю душу до дна, закалили бы их сердца. [...] Так вот, значит, откуда пошли сии «боковитые зерна премудрости»! Они от незнания реальной жизни, от полного безразличия к ней, к судьбам своего поколения, к судьбам народа. (3)

Материалы Ленинградского отделения Союза писателей из ЦГАЛИ СПб. позволяют уточнить предшествующие выходу фельетона события. Имя Ерёмкина оказалось в центре обсуждения на совместном заседании секции критиков и литературоведов 23 мая 1958 г. об итогах поэтического года. Критик А. П. Эльяшевич в своем

вступительном слове назвал М. Ерёмкина «теоретиком иррационализма», а его стихи, прозвучавшие на конференции, примером «вредных настроений в поэзии». Приведем фрагмент стенограммы:

Был такой Еремин. Этот Еремин прочитал на семинаре, которым руководил Л. Хаустов, Олег Шестинский и я [...] открыто декадентские, иррационалистические [стихи], построенные на подражании самым худшим образцам. Когда товарищи, присутствовавшие на обсуждении, сказали Еремину, что его стихи именно такие, то Еремин заявил, что руководители и собравшиеся на семинаре люди не квалифицированные, ему жаль, что они меньше знают. Он пытался выступить в качестве теоретика иррационализма и декадентских настроений в поэзии, он рвался в бой и возмущался, что его не выпускают с трибуны. Кое-кто из старших товарищей в душе готовы были поддержать Еремкина с его поэзией, чрезвычайно далекой от требований советской литературы.

*Я думаю, что, к сожалению, Еремин не одинок в наших рядах, встречаются подчас в литературных группах товарищи, которые несут в себе такое же вредное настроение.
(ЦГАЛИ. Ф. 371. Оп. 1. №344. Л. 10-11).*

Несмотря на обширную мемуарную литературу о «Филологической школе», прояснить понимание М. Ерёмкиным иррационализма, к сожалению, не представляется возможным, поскольку других свидетельств теоретического самопозиционирования поэта не сохранилось.

Стихотворение «Крематорий» и в Антологии MRP, и в других изданиях (где оно дано без названия), датировано 1958 г. Композиционно

8
Возможный источник: воспоминания Ю. Анненкова о посещении некоторыми политическими и художественными деятелями крематория как развлечения (Анненков 1991: 91-94). См. также дневниковые записи 1921 г.: (Чуковский 2024: 321-322).

оно состоит из 3 частей: 1-я часть — строки 1-2, 2-я часть — строки 4-6, 3-я часть — строки 7-8. Основанное на образах, адресуемых к определенной семантической парадигме (кумач — «красный», «революция», «советский»; вебрь — агрессия; катакомбы — «подполье», «гонения», «христианское служение»; печь, багряный погреб — «кровавый», «жертва»), это насыщенное аллюзиями 8-ми строчное стихотворение, тем не менее, допускает возможность сразу нескольких интерпретаций, с акцентировкой тех или иных мотивов или определенных интертекстуальных линий.

Первая часть («Там, кумачом завесив небо комнат / Перистый вебрь выпрыгивает в дым») с аллюзией к стихотворению О. Мандельштама «Нет, никогда, ничей я не был современник ...» («перистый огонь») вводит мотив зловещего предзнаменования, отсылая к антисталинским мотивам его стихов. Заключительная сентенция третьей части «Там те, кто убоявшись погребенья, / Багряный погреб предпочли.», в структурном плане напоминая финал мандельштамовского «На бледно-голубой эмали...», выполняет роль посвящения: тем, кто предпочел гибель, но не забвение своих идеалов. Центральная часть миниатюры, построенная по обэриутскому принципу столкновения образов («Нагие ноги ноют в катакомбах, / Перебираемые как лады; / Там загнивающие укрепления / В коренья превращаются в печи») близка по своим мотивам к натурфилософским поэмам Заболоцкого. Однако, семантика названия «Крематорий» в этом контексте остается неясной.

Если же именно название является семантическим «фокусом» миниатюры, то ее внутренний сюжет порожден неприятием этого ритуала, пониманием его кошунственности, что подчеркивается по-экспрессионистски нагнетаемым образным рядом, педалируя описание происходящего на глазах процесса кремации⁸. В этом

случае образы «катакомбы», «печь», «багряный погреб» синонимичны, а строки «Нагие ноги ноют в катакомбах, / Перебираемые как лады» воплощают апогей ужаса, представляя собой турпизм.

Учитывая, что в 1950-е гг., помимо поэтики акмеизма, Ерёмкин был увлечен и другими художественными направлениями, в том числе, англо-американским имажизмом (через занятия художественным переводом Т. Элиота, Харта Крейна), нельзя исключить и вероятности создания этой миниатюры как единого имажа, тогда «крематорий» является экстравагантным метафорическим изображением визуального эффекта (с возможной отсылкой к Н. Оцупу — «В голубом прозрачном крематории / Легкие истлели облака...»), наблюдаемого, например, при топке печи лесным валежником; в этом случае «перистый вебрь», выпрыгивающий в дым, не что иное, как форма пламени, а в последних двух строках подразумеваются подобранные с земли ветки.

Текст этой миниатюры допускает множественность интерпретаций, и сравним по своей прагматике с оптическим эффектом картин М. К. Эшера.

Заслуживает упоминания, что в антологии К. Кузьминского *У Голубой Лагуны* эта миниатюра дана без названия (214), при этом справа над текстом, на месте посвящения или эпиграфа, поставлены инициалы: «А. Д.». В последнем случае, можно предположить скрытую за кириллицей отсылку к названию сборника А. Ахматовой «Anno Domini», мотивам ее второй части.

Дополнительную информацию текстологического характера о ранних стихотворениях М. Ерёмкина дает коллекция обэриутоведа А. А. Александрова, содержащая рукописи поэта 1955—1981 гг. Рассматриваемая миниатюра должна была войти в собранную им в 1968 г. книгу поэзии М. Ерёмкина, оставшуюся неизданной.

Отметим, что подготовка книги Ерёмкина происходила одновременно с переговорами А. Александрова с чешским издательством «Свет Совету» о выпуске избранного Д. Хармса после состоявшейся публикации в пражских журналах статей «Ignavia» и «ОБЭРИУ. Предварительные заметки». Переводчик обэриутов на чешский язык Вацлав Данек тогда же приступил к переводу экспериментальной поэзии соратника Ерёмкина по «Филологической школе» А. Кондратова.

Список этого стихотворения (также без названия) из собрания А. Александрова (ЦГАЛИ. Ф. 678. №77. Л. 31) имеет небольшое, но значимое отличие: буквы «А» и «д» справа над текстом написаны слитно и могут быть интерпретированы как эпитафия: «Ад». Созданная благодаря этому переакцентировка обнажает реминисценции из стихотворения Пастернака «Русская революция», на тот момент еще не опубликованного в официальной печати.

*А здесь стояла тишь, как в сердце катакомбы.
Был слышен бой сердец...;*

*Он. — «С Богом, — кинул, сев; и стал горланить: — К черту! —
Отчизну увидав: — Черт с ней, чего глядеть!
Мы у себя, эй жги, здесь Русь, да будет стерта!
Еще не всё сплылось; лей рельсы из людей!»*

*Теперь ты — бунт. Теперь ты — топки полыханье.
И чад в котельной, где на головы котлов
Пред взрывом плещет ад Балтийскою лоханью
Людскую кровь, мозги и пьяный флотский блёв.
(курсив наш. — Ю. В.) (Пастернак 1990б: 230)*

Согласно устным воспоминаниям Ерёмкина, он узнал текст этого стихотворения от самого Пастернака во время одной из поездок к нему в Переделкино⁹. В отличие от пастернаковского претекста, у Ерёмкина нет противопоставления февральской и октябрьской революций, и в целом композиция миниатюры построена не на антитезе, а на градации.

Аналогично, с эпитафией «Ад», текст миниатюры напечатан в самиздатском машинописном сборнике М. Ерёмкина, составленном в середине 1970-х гг. поэтом Владимиром Эрлем¹⁰, текстологом и комментатором произведений Д. Хармса.

В первом персональном сборнике М. Ерёмкина, вышедшем в 1986 г. в американском издательстве «Эрмитаж», это стихотворение трансформировано в 4-стишие без эпитафии (сокращению подверглись 5–8 строки):

*«Там, кумачом завесив небо комнат,
Перистый вепрь выпрыгивает в дым;
Нагие ноги ноют в катакомбах,
Перебираемые, как лады.» (23)*

Существует и «пáрный» ему текст, также датированный 1958 г. Наиболее ранний его список, представляющий собой восьмистишие, известен по опубликованному нами автографу из письма Ерёмкина М. Красильникову от 6 марта 1958 г. в мордовский лагерь. Миниатюра сопровождается эпитафией, заключенным в скобки: «(Из христианского состышья)»:

*Там радуги крыло гордится опереньем¹¹,
Там, в царстве доадамовой смекалки,*

⁹ Тема Ерёмкин — Пастернак затрагивается в нашей статье: Валиева 2024в.

¹⁰ Сборник озаглавлен: Михаил Ерёмкин. Стихотворения и содержит 85 текстов 1955–1974 гг. и может быть условно датирован 1974 г.

¹¹ Републиковано, с обратной заменой на ед. ч. «соперника»: (Ерёмкин: 2008), (Ерёмкин: 2009).

*Кентавры негодуют по-оленьи,
В соперника втыкая томагавки,
Там тени павших пашут на ресницах,
Там пряжа, брошки, роскошь для весны,
Там неумевшего креститься
Возможность бога осенит. (Валиева 2024a: 248)*

Машинописный список этого стихотворения из собрания А. Александрова имеет эпиграф: «РАЙ». Топосы Рая и Ада этих миниатюр передают противопоставление, близкое Клюевской традиции: природной благодати — советского безбожия.

В составе книги 1986 г., где миниатюра «Там радуги крыло гордится опереньем...» была опубликована впервые, ее текст был дан без эпиграфа и сведен, подобно стихотворению «Там, кумачом завесив небо комнат...», к четверостишию, при этом слово «соперника» в 4-й строке поставлено во мн.ч. — «соперников». Строки скомбинированы в следующем порядке: 5, 2, 3, 4.

*Там тени павших пашут на ресницах,
Там, в царстве доадамовой смекалки,
Кентавры негодуют по-оленьи,
В соперников втыкая томагавки. (23)*

Размещенные в этом издании на одной странице, друг под другом, эти два стихотворения образуют диптих. Хотя под каждым из них проставлена датировка (оставшаяся прежней), визуально они составляют традиционные для Ерёмкина восемь строк и воспринимаются единым произведением, акцентируя своим вертикальным расположением аксиологию художественного пространства.

Семантика первоначального текста претерпела здесь значительные изменения. Ставшая 1-ой строка «Там тени павших пашут на ресницах» вводит мотив поминовения. Во 2-й части диптиха строки «Нагие ноги ноют в катакомбах, / Перебираемые как лады» прочитываются аллюзией к 8-й - 11-й строфам пастернаковского «Еще не умолкнул упрек...» — мотиву отраженного звука органа («хорал выходил, как Самсон, / Из кладки, где был замурован.» (Пастернак 1990a: 369)), и задают мотив реквиема катакомбных поэтов, хранящих память о павших героях, по утерянному Раю.

Л. Лосев, представляя читателям парижского журнала Эхо стихотворения Ерёмкина (спустя десятилетие после анонимной публикации в MRL), упреждая критические суждения об их непонятности, объясняет сложность их восприятия особенностью синтаксиса поэтического языка, основанного на принципе алогизма, восходящего к будетлянскому «слову как таковому» и обэриутским приемам разрушения семантических связей:

Именно так непонятен был и Хлебников. По привычке читали, желая узнать про что, и получалось пустяки и несладко. В то время как слова были не про что-то, а сами по себе и являлись характерами и сюжетом стиха. Введенский, Заболоцкий и Хармс строили свой мир еще более поразительным образом — разрушая привычные семантические связи. [...]

Стихотворения Ерёмкина — это, как правило, одно — два распространенных предложения. Но, как слова у Хлебникова и обереутов не совсем то, что мы привыкли подразумевать в слове «слово», так и предложение у Ерёмкина совсем не предложение. [...] Форма предложения есть форма мысли. [...] Разбор предложения

12
Курсив ав-
тора. — Ю. В.

13
Беседа Ю. Валиевой
с М. Ерёминым 26 де-
кабря 2010 г., у него
дома. Санкт-Петер-
бург. Имеются в виду
машинписные
копии произведений
Хармса, полученные
Ерёминым от А.
Александрова.

(см. «От храмов до хором...»), где подлежащее — ельники, а ска-
зуемое — слынут, приведет нас к полнейшему алогизму (что
мы привыкли отождествлять с бессмыслицей, ерундой). [...] И
только очищенное от предвзятости восприятие стихотво-
рения-фразы сразу обеспечивает взгляд, вслед за поэтом, в суть
вещей, сквозь мир, который не состоит из разделов Природа, Чело-
век, История, а есть Природа-Человек-История, пронзительный
взгляд до самой грани материального.¹² (Лосев 1979: 10)

Сопоставление с обэриутами в данном случае было сделано неслу-
чайно — годом ранее увидел свет 1-й том бременского Собрания
произведений Д. Хармса, составленный М. Мейлахом и В. Эрлем.
Стоит упомянуть, что, по словам М. Ерёмина, в перепечатках Харм-
са, сделанных для этого издания Эрлем, «было многое от него»¹³.
Не оспаривая подмеченный Лосевым в поэзии Ерёмина прием
синтаксического «сдвига», заметим, что этот прием не приво-
дит к нарушению языковой системы, а задействует присущий
ей механизм свободного порядка слов. К обэриутским чертам
в поэтике Ерёмина, скорее, относятся приемы создания много-
мерности текста, в том числе, «столкновение смыслов», соеди-
нение (наложение) элементов и смеховое начало. В творчестве
Ерёмина 1950-х мотив соединения нашел воплощение в образе
кентавра. Наиболее раннее его появление в поэтическом тексте
— рассмотренная выше миниатюра «Там радуги крыло гордится
опереньем», в которой кентавр соотнесен с топосом Рая. Заметим,
что разработка поэтом этого образа, скорее всего, началась в гра-
фике. Среди работ, демонстрировавшихся на домашней выстав-
ке Ерёмина в декабре 1957 г., имеется рисунок, упоминающийся
в «Книге отзывов» как «Кентавр» или «Кентавр с ребенком».

На сохранившихся черно-белых фотографиях работ этому со-
ответствует рисунок, изображающий лошадь и стоящую перед
ней женщину, склоняющуюся к ребенку, протягивающую к нему
руки. Композиция построена на создании визуального эффекта
соединения двух изображений (женщины и лошади) в одно —
женщины-кентавра, эмблематическому выражению парадокса
порождения, нерасторжимости матери и ребенка. В поэзии этот
парадокс передается «пренатальными» мотивами (миниатю-
ры «Воронье нервное кони...». «Стынет логово безучастное...»,
«Во мне живет растительная мудрость...», «Пока младенец полон
леденцов...»). В отличие от И. Бродского, у которого этот образ ос-
нован на сходстве с кентавром позы пишущего («тело на локте»;
«... Иногда голова с рукою / сливаются, не становясь строкою, /
но под собственный голос, перекатывающийся картаво, / под-
ставляя ухо, как, как часть кентавра.» — сб. *Часть речи*), парадокс
кентаврического у Ерёмина демонстрирует нераздельность творца
и его творения. ♡

Литература

- АЛЕКСАНДРОВ, АНАТОЛИЙ, 1968: ОБЭРИУ. Предварительные заметки. *Československá rusistika* 5. 296-303.
- АННЕНКОВ, ЮРИЙ, 1991: *Дневник моих встреч. Цикл трагедий*. В 2-х т. 1. Ленинград: Искусство.
- ВАЛИЕВА, ЮЛИЯ, 2015: Ерёмкин Михаил Фёдорович. *Литературный Петербург. XX век: энциклопедический словарь: в 3 т.* 2. 26-29.
- ВАЛИЕВА, ЮЛИЯ, 2024а: Календарь ленинградской «Второй культуры»: письма Михаила Ерёмкина к Михаилу Красильникову. *От андеграунда до акционизма: русский контекст*. Ред. Ичин К. Белград. 238-260.
- ВАЛИЕВА, ЮЛИЯ, 2024б: Неизвестные страницы изучения и публикации Даниила Хармса в 1960-е годы: памяти Анатолия Александрова. *Matice Srpske za Slavistiku* 106. 241-263.
- ВАЛИЕВА, ЮЛИЯ, 2024в: Письмо Михаила Ерёмкина Льву Лосеву о Пастернаке. *Новое литературное обозрение* 2. 211-223.
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, [1974]: *Стихотворения*. [Сб. стихов. Машинопись].
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 1960: [Стихи]. *Синтаксис* [Машинопись] 3.
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 1965: [Стихи]. *Грани* 58. 175-177.
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 1979: Из старых и новых стихов. *Echo*. 2/3. 4-9.
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 1980: [Стихи]. *Антология новейшей русской поэзии У Голубой Лагуны / The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry: В 5 т.* 1. Сост. К. К. Кузьминский и Г. Л. Ковалев. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners. 209-221.
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 1986: *Стихотворения*. Послесловие Л. Лосева. Tenafly, N.J.: Эрмитаж.

- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 1991: *Стихотворения*. Москва: Б. и. [Минск: МЕТ].
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 2008: Стихи разных лет. *Зинзивер* 1. [<http://1reading-hall.ru/publication.php?id=2>]
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 2009: [Стихи]. *Дети Ра* 3 (53). [<http://reading-hall.ru/contents.php?id=22>]
- ЕРЕМИН, МИХАИЛ, 2011: [Автобиография; Стихи]. *Лица петербургской поэзии: 1950-90-е. Автобиографии. Авторское чтение*. Ред. Юлия Валиева. Санкт-Петербург: Искусство России. 74-77.
- КУЗНЕЦОВ, В., 1958: «Боковитые зёрна премудрости». *Смена*. 27.05.1958.
- ЛОСЕВ, А., 1979: О Михаиле Еремине. *Echo* 2-3. 9-11.
- ПАСТЕРНАК, БОРИС, 1990: *Стихотворения и поэмы: В 2 т.* 1. Вступ. статья В.Н. Альфонсова, сост., подг. текста и примеч. В.С. Баевского и Е.Б. Пастернака. Ленинград: Советский писатель.
- ПАСТЕРНАК, БОРИС, 1990: *Стихотворения и поэмы: В 2 т.* 2. Сост., подг. текста и примеч. В.С. Баевского и Е.Б. Пастернака. Ленинград: Советский писатель.
- УСТИНОВ, АНДРЕЙ, 2021: «Ход коня»: Иосиф Бродский в переписке Г. П. Струве и В. Ф. Маркова. *Звезда* 5. 231-240. [«Ход коня»: Иосиф Бродский в переписке Г. П. Струве и В. Ф. Маркова — Журнальный зал]
- ХАРМС, ДАНИИЛ, 1926: (случай на железной дороге). *Собрание стихотворений*. Ленинград: Л.О. В.С.П. 71-72.
- ХАРМС, ДАНИИЛ, 1927: Стих Петра — Яшкина. *Костер*. Ленинград: Л.О. В.С.П. 101-102.

- ХАРМС, ДАНИИЛ, 1965: Выходит Мария, отвесив поклон.
Подруга. Публ. Анатолий Александров. *День поэзии 1965*.
Москва, Ленинград: Советский писатель. 290-294.
- ХАРМС, ДАНИИЛ, 1966: (случай на железной дороге). *Modern Russian Poetry: An Anthology with verse translations*. Ed. Vladimir Markov and Merrill Sparks. London: MacGibbon & Kee Ltd. 724-727.
- ХАРМС, ДАНИИЛ, 1978: *Собрание произведений 1*. Ред. Михаил Мейлах, Владимир Эрль. Bremen: K-Press.
- ЧУКОВСКИЙ, КОРНЕЙ, 2024: «Жизнь моя стала фантастическая». *Дневники. Книга первая. 1901-1929 годы*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024.
- ALEXANDROV, ANATOLIJ, 1968: Ignavia. *Světová Literatura* 6. 157-170.
- <ANONYMOUS POET>, 1966: Крематорий. *Modern Russian Poetry: An Anthology with verse translations*. Ed. Vladimir Markov and Merrill Sparks. London: MacGibbon & Kee Ltd. 820.
- MODERN RUSSIAN POETRY: AN ANTHOLOGY WITH VERSE TRANSLATIONS, 1966: Ed. Vl. Markov and M. Sparks. London: MacGibbon & Kee Ltd.

Резюме

Подводя итог, отметим, что рассмотрение анонимной «тамиздатской» публикации М. Ерёмина в контексте литературного самиздата 1960-х — сер. 1980-х гг. позволило выявить специфику допечатного периода функционирования текстов поэта, обозначить роль обэриутоведов в подготовке его первых сборников и значение поэтической среды ленинградского андеграунда в распространении и циркуляции произведений обэриутов. Текстологический и сопоставительный анализ стихотворения «Крематорий» показал, что его поэтика строится на изменении семантической фокусировки текста. Восходящий к обэриутской поэтике прием создания *многомерности* текста, разрабатываемый Ерёминым в 1950-е гг. и в поэзии, и в графике, состоящий в технике соединения (наложения) элементов, мы определили как «кентаврический парадокс». Его семантика связана с образом кентавра, воплощающего, по Ерёмину, парадокс «порождения», загадку продолжения творца в своем творении.

Именно обэриутовед А. Александров и поэт ленинградской «Второй культуры» Владимир Эрль, текстолог и комментатор произведений Д. Хармса, подготовивший (совместно с М. Б. Мейлахом) его собрание произведений (1978-1988), участвовали в составлении поэтических сборников М. Ерёмина. Что существенно, это происходило в то же годы, параллельно, одновременно с обэриутскими штудиями. Появление под одной обложкой первых посмертных публикаций Хармса и поэтов андеграунда неслучайно.

Yulia Melisovna Valieva
(Юлия Мелисовна Валиева)

Yulia Melisovna Valieva is an Associate Professor at the Department of History of Russian Literature at Saint Petersburg State University and the head of the research project at Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.